

ДНН

Dimanche, 31 Octobre 1926

ДНН

40 cent

Редакция и Контора: 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris (III). Tél.: 82-83.

Основа: Пресса Вост. Европы. Восток. Берлин W 35, Kottbuserstr. 19-11—Адр. для телегр. Paris „Dni“.
 Число роздано 20 000 экз. Прием в редакцию от 5—8 ч. д. Неприем. рубли, не возвращ. и по поводу их редакц. не отвечает.
 Подписки во Франции с пост. на дом на 1 м.—10 фр., на 3 м.—27 фр., на 6 м.—50 фр.

Общество, учр., рабоч. орган., рабоч. и учр., при непосред. обращ. в н-ру и сн отд.—6 фр. и н.
 Австрия: 4 шиллинга. Голландия: 2 флорина. Литва: 7 лит.
 Америка: 1 доллар. Греция: 40 драхм. Манчестер: 1 пол.
 Англия: 3 шиллинга. Дания: 5 датск. кр. Норвегия: 5 норв. кр.
 Бельгия: 12 франков. Латвия: 5 гуляденов. Палестина: 3 шилл.
 Болгария: 60 лева. Польша: 4 злотых.
 Германия: 3 марки. Латвия: 150 лив. руб. Турция: 120 пиастр.

Подписки и объявления принимаются в гл. конторѣ и во всѣх ея отдѣленіях. Деньги можно пересыл. чеками или денежн. шам. заказн. письмом по адр. гл. н-ры или отд., а также вносить на тем. счета. Берлин: Postascheck-Konto, Berlin 52.698; Банк: Disconto-Gesellschaft Dep. Kasse, Lindenstr. 3; Прага: почт. век. сч. 26.998. Legiobank. Banka Slov. Ziva. и Prumyslu. Бѣлград: Pilsalka Prazské Uverni Banku. Софія: Pilsalka Prazské Uverni Banku.

QUOTIDIEN RUSSE

ДНН

15 Pfennig
80 hal.

Цѣна объявленій (за строку непрерывн.):
 на 1-й стр. 10 fr. | на 3-й стр. 4 fr.
 » 2-й » 7 » | » 4-й » 3 »

Многократным по особому тарифу.
 Объявлен. приним. в конт. газеты и в конт. объявлен. Торг. Дел.
 Л. и Э. Метиль и К-о в Парижѣ 26, Rue Buffault; Tél.: Trud. 80-49

Юбилей „Дяди Вани“

Московский Художественный Театр отпраздновал 300-ое представление «Дяди Вани». Для знакомых с театральной жизнью крупных городов Европы — юбилей этот, конечно, смѣшной. Там, гдѣ пьесы, неизмѣримо менѣе значительныя, выдерживают до 500 представлений в теченіе 2-3 сезонов, извѣстіе о 300-м представлении пьесы любимѣйшаго русскаго писателя на подмостках популярнѣйшаго русскаго театра на протяженіи **болѣе четверти вѣка**, — не может не вызвать иронической улыбки. Но Россію, как извѣстно, «аршином общим не измѣрять», и 300-ое представление «Дяди Вани» у нас является дѣйствительным событіем, в связи с которым хотѣлось бы подѣлиться нѣкоторыми воспомина- ніями.

Мнѣ, жившему всегда в провинціи и в сто- лицы лишь наѣзжавшему, случайно дове- лось присутствовать на двух провалах чеховских пьес. В 1895 г. в Петербургѣ, когда к стыду своему александринцы с В. Ф. Комиссаржевской во главѣ, позорно провалили «Чайку», на которой пуб- лика даже шикала и свистѣла, и автор в ту же ночь в смущеніи сбѣжал в Мо- скву, — и другой раз, 5-6 годами раньше в театрѣ Абрамовой, когда без- шумно, но не менѣе позорно похоронили чеховскаго «Лѣшаго». Но «Чайка» скоро расправила свои крылья и с торжеством вспорхнула в стѣнах Московскаго Ху- дожественнаго Театра, став даже его эм- блемой, бѣдный же «Лѣшій» так и ос-

тался похороненным, воскресши лишь 10 лѣтъ спустя под другим названіем и в другом вариантѣ. Этот другой вариант «Лѣшаго» — и есть «Дядя Ваня», юби- лей котораго сейчас отпраздновали.

Родился «Лѣшій» как будто невзна- чай и написан он был в один присѣст. Дѣло было так. Покойный Н. Н. Солов- нов — котораго Чехов очень любил как актера и для котораго даже написал — (вслѣд за «Ивановым») свою шуточную бездѣлушку «Медвѣдь», — стоял тогда (в 1899-ом году) вмѣстѣ с Киселев- ским и Чарским во главѣ театра Абра- мовой. Сезон выдался неудачный, дѣла были плохи и вся надежда была на рож- дественскіе праздники. Но нужна была новая, боевая пьеса, а до праздников ос- тавалось 2-3 недѣли. Тогда Соловнов поѣхал к Чехову.

— Спасайте, — обратился он к нему. — Первая тысяча рублей со сбора ваша.. И Чехов согласился.

«Пьеса, — рассказывает брат Чехова, Михаил, — была написана в 4 дня. От переписки у меня отекали пальцы, но в день по акту мы успѣвали. Соловнов отправлял пьесу по акту с кондуктором в Петербург в цензуру, по акту прихо- дило из Петербурга, и по акту, не зная конца пьесы, ее разучивали»...

Разсказ М. П. Чехова надо принять, однако, с оговоркой. Механически, т. е. в смысл окончательной подготовки пье- сы для сцены, «Лѣшій» быть может, так и был написан, но идея пьесы, ея наб-

роски и даже ея оформленіе в черновом видѣ были у писателя готовы раньше, как это видно из писем его к Плещееву и др., просившим у него «Лѣшаго» для печати. Чехов отказывался, заявляя, что покуда пьеса не поставлена, не прошла через період репетицій, вызывающій не- маловажныя поправки и дополненія, вы- пускать ее в свѣтъ не слѣдует.

Любопытно, что случай с «Лѣшим» в этом смыслѣ не единственный. И пер- вая пьеса Чехова «Иванов» написана бы- ла для сцены под вліяніем внѣшняго тол- ка.

— Как-то я был в театрѣ Корша, — рассказывал он. — Шла новая пьеса. Вычурная, препротивная. Ни складу, ни ладу. Я и начал, что называется, разно- сить пьесу. А Корш ехидно и говорит: «А вот вы, вмѣсто того, чтобы критико- вать, лучше взяли бы да и написали пье- су». Я говорю: «хорошо, и напишу!» Так и произошел «Иванов».

Так или иначе, но «Лѣшій» написан был несомнѣнно на-спѣх, еще в боль- шей мѣрѣ на-спѣх был приговорен сце- нически труппой («мужчины не знали ролей и играли скверно» — жаловался Че- хов) и в антрактах среди публики — разговоры, полные недоумѣнія.

Помню слѣдующую сценку. Меня, не причастнаго еще тогда к журналистикѣ, но большого театралы, останавливает в фойѣ старый мой друг А. С. Эрманс, редактор «Новостей Дня» и, желая, оче- видно, узнать впечатлѣніе «толпы», спра- шивает:

— Ну, как, что скажешь?

И, не дожидаясь моего отвѣта, знако- мит меня со стоявшим тут же В. М. До-

рошевичем, котораго я знал лишь в ли- цо и остроумные фельетоны котораго за подписью «В. Д.» с удовольствием всегда читал.

— Вам и книги в руки, — даю я тра- фаретный отвѣтъ.

— Паровой цыпленок! — процѣдил Дорошевич.

На красивом лицѣ А. С. — недоумѣн- ная улыбка.

— Не помните развѣ Успенскаго? — пояснил свою мысль В. М. Дорошевич. — Цыпленок, вылупившійся под паром, со всѣми атрибутами живого существа, но без души. Вот вам ваш хваленый «Лѣ- шій».

Я не выдержал и вступил с ядовитым остроумством в жестокий спор.

Не помню, что я говорил, — что то такое про новыя формы, про манекены, которых мы привыкли видѣть на сценѣ вмѣсто живых лиц, про писателей, сто- ящих выше уровня толпы и т. д.

Дорошевич иронически улыбался.

— Горячи вы очень, молодой чело- вѣкъ! — только и был его отвѣтъ и, хотѣ этот «молодой чело-вѣкъ» был едва ли моложе «старо-го», только что начавша-го входить в славу фельетониста, но это сразу охладило мой пылъ и я замол- чал.

На слѣдующій день во всѣх газетах жестокий разнос, за исключеніем «Ново- стей Дня», в которых пьесу также не похвалили, но в выраженіях очень мяг- ких и... снисходительных.

Это было 27-го декабря 1889 г. «Лѣ- шаго» поставили еще 2 раза, а затѣм сняли с репертуара.

И хотя долго послѣ этого Чехов и слышать не хотѣлъ про своего «Лѣшаго»,

и на просьбы напечатать его отвѣчал: — «Эту пьесу я ненавижу и стараюсь за- быть о ней», — но идея ея, ядро, прочно залегли в творческих глубинах души пи- сателя, вылившись затѣм в «Дядѣ Ванѣ» увидѣвшаго свѣтъ рампы почти 10 лѣтъ спустя, — 26 октября 1899 года.

В чем же отличіе «Дяди Вани» от сво- его первообраза? — Замысел, квинт- эс- сенція и главные персонажи — тѣ-же, только Егор Войницкій, — в «Лѣшем» уже в 3-м, кажется, актѣ, сходящій со сцены (послѣ ссоры с проф. Серебря- ковым он застрѣливается), — вырос в главное дѣйствующее лицо, — Изана Вой- ницкаго, именем котораго названа но- вая пьеса. Герой же «Лѣшаго» — помѣ- щик-врач Хрушов, переименованный в Астрова, отходит, наоборот, нѣсколько на задній план. Елена Андреевна, «ве- ликолѣпная женщина», еще болѣе смяг- чена в смыслѣ покорности судьбѣ и уход- ея на время от мужа в «Лѣшем» в «Дя- дѣ Ванѣ» выброшен. Совершенно измѣ- нен финалъ пьесы. В «Лѣшем» в 4-м ак- тѣ Елена Андреевна возвращается к му- жу, а Соня выходит замуж за Хрушова (Астрова). Помню впечатлѣніе, произве- денное горячим монологом Хрушова в одной из финальных сцен пьесы. — «На- до быть чело-вѣком и твердо стоять на ногах. Я не застрѣлюсь и не брошусь под колеса мельницы. Пусть я не герой, но я слѣлаюсь им. Я отращу себѣ кры- лы! Пусть горят лѣса — я поѣмъ но- вые! Пусть меня не любят, я полюблю другую!»

Публика, остававшаяся все время хо- лодной, отозвалась на этот воодушев- ленный монолог хохотом, но, в общем, лирическій финалъ «Дяди Вани» куда ху-

дожественнѣе, конечно, и производит большее впечатлѣніе, чѣм финалъ «Лѣ- шаго».

Профессор Серебряков — оставлен в «Дядѣ Ванѣ» почти без измѣненій, и эта художественно написанная фигура была, говорят, затаенной причиной, по- чему московскій литературно-театраль- ный комитет («военно-полевой суд», как язвительно назвал это учрежденіе Че- хов) забраковал «Дядю Ваню», пред- назначавшагося к постановкѣ в Малом Театрѣ. Формально же предложено было автору измѣнить сцену покушенія «Дя- ди Вани» на Серебрякова, которую ко- митет нашел «недостаточно мотивирован- ной». «Разочарованіе в талантѣ профес- сора, раздраженіе его на безцеремон- ность не может служить достаточным поводом для преслѣдованія его пистолет- ными выстрѣлами. У зрителя может да- же явиться подозрѣніе, что поступок «Дя- ди Вани» находится в связи с состояніем похмѣлья, в котором автор почему то (?) слишком часто показывает и «дядю Ва- ню» и Астрова».

Эта безсмертная профессорская, впло- нѣ достойная Серебрякова, резолюція спасла «Дядю Ваню» от постановки на сценѣ академическаго театра, гдѣ, быть может, ей уготовлена была судьба «Лѣ- шаго» и «Чайки». Под вліяніем этой ре- золюціи Чехов отдал пьесу Станислав- скому, постановкою чеховских пьес по- бѣдившему в писателѣ его справедливое раздраженіе против современных теат- ров, которые он называл «эшафотами, гдѣ казнили драматургов».

К. Петров